

DOI 10.69571/SSPU.2025.99.6.011
УДК 574.2:94(571.6)»1980/2000»(045)
ББК 63.3(255)63–458

Н.С. ВОРОНЦОВ

**ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И ПЛАНЫ
КРУПНОГО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО
СТРОИТЕЛЬСТВА В ПРИАМУРЬЕ
(КОНЕЦ 1980-Х – НАЧАЛО 2000-Х ГГ.)**

N.S. VORONTSOV

**ENVIRONMENTAL MOVEMENT
AND LARGE-SCALE ENERGY DEVELOPMENT
PLANS IN THE AMUR REGION
(LATE 1980S – EARLY 2000S)**

Статья посвящена истории становления и развития экологического движения в Хабаровском крае в контексте противодействия планам крупного энергетического строительства в Приамурье с конца 1980-х до начала 2000-х гг. На основе архивных материалов и публикаций в периодической печати исследуются ключевые этапы деятельности общественных организаций, прежде всего «Экологической группы» и «Комитета содействия перестройке» в Комсомольске-на-Амуре, по предотвращению строительства Дальневосточной АЭС и каскада ГЭС на Амуре. Выявлены основные формы протестной активности — от сбора подписей и организации митингов до проведения независимой научной экспертизы и участия в избирательных кампаниях. Особое внимание уделено роли научного сообщества, взаимодействию городских активистов с коренными малочисленными народами, а также аргументации противников энергетических мегапроектов, включая экологические, экономические, социальные и этнокультурные аспекты. Показана трансформация движения от массовых протестов перестроечного периода к системной экспертной и просветительской работе в 1990-е гг. Делается вывод о необходимости учёта исторического опыта и требований экологической общественности при реализации современных планов развития топливно-энергетического комплекса региона.

The article analyzes the formation and development of the environmental movement in the Khabarovsk Krai within the context of opposing large-scale energy development plans in the Amur region from the late 1980s to the early 2000s. Based on archival materials and periodical publications, it examines the key stages of activities by public organizations, primarily the «Environmental Group» and the «Committee for Assistance to Perestroika» in Komsomolsk-on-Amur, aimed at preventing the construction of the Far Eastern Nuclear Power Plant and a cascade of hydroelectric power stations on the Amur River. The main forms of protest activity from collecting signatures and organizing rallies to conducting independent scientific reviews and participating in election campaigns are identified. Particular attention is paid to the role of the scientific community, the interaction between urban activists and Indigenous small-numbered peoples, as well as the arguments put forth by opponents of the energy megaprojects, including environmental, economic, social, and ethno-cultural aspects. The transformation of the movement from mass protests during the Perestroika period to systematic expert and educational work in the 1990s is demonstrated. The conclusion emphasizes the necessity of considering historical experience and the demands of the environmental community when implementing modern plans for the development of the region's fuel and energy sector.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экологическое движение, Хабаровский край, Дальневосточная АЭС, гидроэнергетика, общественная экспертиза, энергетическая политика, гражданская активность

KEY WORDS: environmental movement, Khabarovsk Krai, Far Eastern Nuclear Power Plant, hydropower, public expert review, energy policy, civic activism.

ВВЕДЕНИЕ. Проблема взаимодействия общества, власти и бизнеса при реализации крупных инфраструктурных проектов сохраняет свою актуальность для Дальнего Востока России на протяжении всего постсоветского периода. Особый интерес в этом контексте представляет опыт экологического движения в Хабаровском крае конца 1980-х — начала 2000-х гг., связанный с противодействием планам масштабного энергетического строительства в Приамурье. Несмотря на значительный общественный резонанс, который вызывали проекты Дальневосточной АЭС и каскада ГЭС на Амуре, комплексное историческое исследование становления и развития регионального экологического движения до настоящего времени оставалось недостаточно разработанным в отечественной историографии. Степень изученности темы можно охарактеризовать как фрагментарную. Ценный материал содержится в трудах, посвященных развитию топливно-энергетического комплекса региона [8; 9; 35], взаимодействию общества и власти на российском Дальнем Востоке в годы перемен [31]. Однако собственно экологическое движение как целостный социально-политический феномен, его организационная структура, стратегии и тактики, роль ключевых активистов до сих пор не становились предметом специального исторического исследования.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1987 по 2011 г. Нижняя граница обусловлена созданием первой экологической группы в Комсомольске-на-Амуре, верхняя — завершением активной фазы движения, связанной с отъездом из региона его ключевых лидеров и изменением общественно-политической ситуации.

Научная новизна работы заключается в том, что она представляет собой комплексное исследование экологического движения Хабаровского края как целостного социально-политического феномена, основанное на введении в научный оборот ранее не использовавшихся архивных материалов, в первую очередь — документов из личного архива В.М. Десятова.

ЦЕЛЬ статьи заключается в анализе становления и развития экологического движения в Хабаровском крае в контексте противодействия планам крупного энергетического строительства.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Источниковая база исследования включает комплекс архивных материалов, основу которого составили документы из Государственного архива Хабаровского края (ГАХК), Архива Дальневосточного отделения Российской академии наук и Комсомольского-на-Амуре городского архива. Особый интерес представляет фонд личного происхождения Р-227 Комсомольского-на-Амуре городского архива, содержащий уникальные материалы, собранные Владимиром Михайловичем Десятовым — одним из лидеров экологического движения, инженером-конструктором Завода им. Ленинского Комсомола, народным депутатом СССР. В данном фонде сосредоточены документы, отражающие различные аспекты деятельности экологических организаций: протоколы заседаний, материалы экспертиз, переписка с государственными органами, агитационные листовки, фотодокументы, а также неопубликованные воспоминания.

Дополнили источниковую базу материалы периодической печати, в частности газет «Тихоокеанская звезда», «Молодой дальневосточник» и «Дальневосточный Комсомолец», которые не только освещали ход экологических дискуссий, но и сами являлись активными участниками общественно-политического процесса.

В основу методологии исследования положены принципы историзма и системности. В работе применялись историко-генетический метод для прослеживания становления и развития движения, историко-сравнительный метод для анализа различных этапов протестной активности, а также метод микроистории для детального изучения роли ключевых участников движения.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Формирование организованного экологического движения в Приамурье началось в 1987 г., когда была создана первая экологическая группа во втором по величине городе Хабаровского края, Комсомольске-на-Амуре, ставшая пионером независимой общественной природоохранной активности в регионе. Непосредственным толчком к её организации послужило развернувшееся в середине 1980-х гг. строительство Амурского завода азотных удобрений в селе Нижнетамбовском и нового города на левом берегу Амура. Экологическая группа, постепенно выросшая до 20 человек, развернула активную работу по предотвращению сооружения завода, собрав более 8,5 тыс. подписей граждан и подготовив развёрнутое обоснование экологической недопустимости проекта под заголовком «Я — Амур, спасите!» [29, л. 1]. Особую роль в подготовке этого документа сыграл инженер-конструктор Завода им. Ленинского Комсомола В.М. Десятов, подготовивший текст обоснования и в марте 1988 г. направивший его в редакции центральных и местных газет, ЦК КПСС, Совет министров СССР, Государственный комитет СССР по охране природы, программу «Взгляд» и лично М.С. Горбачёву [18, л. 4-5].

В.М. Десятов оказался не единственным, кто обратил внимание на риски, связанные с новой стройкой — ещё в 1986 г. на неудачный выбор площадки указал в своём заключении директор Амурского отделения Тихоокеанского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии В.В. Сафонов [33, с. 298]. Кроме того, в 1987–1988 гг. независимо от группы В.М. Десятова свои соображения против размещения завода азотных удобрений на Амуре высказали корреспондент газеты «Известия» на Дальнем Востоке Б.Л. Резник и сотрудник Хабаровского комплексного НИИ (в будущем — Института экономических исследований) Дальневосточного отделения АН СССР П.А. Минакир [33, с. 308–310].

Несмотря на то, что периодическая печать в это время весьма осторожно освещала данную проблему в духе начавшейся, но ещё ограниченной гласности [18, л. 4], опасения общественности совпали с мнением Государственной экспертной комиссии Госплана СССР, рекомендовавшей в апреле 1988 г. не размещать завод азотных удобрений в Нижнетамбовском ввиду возможного вредного воздействия нового химического производства на рыбное хозяйство Амура [33, с. 365].

В том же году часть активистов Экологической группы вошла более крупную организацию — «Комитет содействия перестройке» (КСП), созданный в Комсомольске-на-Амуре журналистом газеты «Дальневосточный Комсомолец» С.Н. Акуличем, следователем В.А. Мательским и военнотружущим Н.И. Пустоветовым [11, л. 194]. КСП активно включился в экологическую деятельность. Знаковым событием стало проведение 26 сентября 1988 г. первого в городе открытого митинга, посвященного экологическим проблемам, ознаменовавшего переход движения к публичным акциям [38]. К лету 1989 г. организация претерпела значительную эволюцию. 19–20 июля состоялась учредительная конференция, закрепившая трансформацию КСП в общественно-политическое движение [19, л. 6]. Внутри организации оформились четыре специализированные секции: экономическая, политическая, экологическая и секция социальной справедливости. Социальный состав активистов стал чрезвычайно разнообразен — от артистов и пенсионеров до инженеров и рабочих [7, с. 110].

Росту движения способствовало появление в печати информации о планах строительства в регионе Комсомольской (впоследствии — Дальневосточной) АЭС [5]. Развитие атомной энергетики на Дальнем Востоке, включая Хабаровский край, было предусмотрено последней советской Долговременной программой развития производительных сил Дальнего Востока, утверждённой ЦК КПСС и Советом министров СССР в августе 1987 г [35, с. 118].

В отличие от проблемы строительства химического завода, планы размещения в Приамурье АЭС вызвали более мощную волну общественного возмущения [2]. На фоне проводимой политики «гласности» восприятие атомных технологий жителями региона было в значительной степени сформировано под влиянием обсуждения последствий недавней Чернобыльской катастрофы, оказавшей глубокое психологическое воздействие и способствовавшей

формированию устойчивого недоверия к «мирному атому» [39]. Это недоверие подпитывалось сообщениями в газетах о стремлении проектировщиков АЭС осуществить выбор площадки и завершить подготовительные работы в короткие сроки. Строители атомной станции воспринимались как «варяги», не понимающие местных интересов, и даже обещания директора строящейся АЭС В.Т. Лебеденко остаться жить на станции после её постройки не смогли преодолеть отчуждения [7, с. 118].

Параллельно с развитием движения в Комсомольске-на-Амуре активная деятельность развернулась в Хабаровске, где протест имел децентрализованный характер: роль консолидирующих групп сыграли общественно-политический клуб «Трудодень», молодёжная студенческая организация «Независимый Союз», инициативные группы Народного фронта. Кульминацией организационного становления краевого антиядерного движения стал митинг в Хабаровском театре драмы 20 февраля 1989 г., на котором было объявлено о создании общественного комитета по экспертизе проекта АЭС [17].

Особенностью хабаровского протеста стало активное участие в экологическом движении учёных из институтов Дальневосточного отделения АН СССР. Уже в конце 1987 г. в академической среде начали формироваться группы исследователей, критически отзывавшихся о планах ускоренного согласования площадки для АЭС [9, с. 192]. В Институте водных и экологических проблем к «зелёным», открыто выступившим на страницах региональной печати, принадлежал Б.А. Воронов [6], в Институте тектоники и геофизики — В.Г. Варнавский [4], в «Дальгеологии» — В.А. Ахмадулин [3]. Позиции учёных варьировались от полного неприятия идеи размещения АЭС в Хабаровском крае (В.Г. Варнавский) до требования экологической экспертизы проекта на каждом этапе подготовки технико-экономического обоснования (Б.А. Воронов) [7, с. 109].

Основными проблемами, выдвигавшимися противниками строительства АЭС, являлись экологическая безопасность (риск радиационного заражения после Чернобыльской аварии 1986 года) [32], сейсмическая угроза (недостаточная изученность тектонической активности в районе строительства) [4], экономическая нецелесообразность (высокие затраты на строительство и содержание АЭС) [37], а также угроза традиционному укладу коренных народов (возможное уничтожение мест рыболовства и охоты) [9, с. 188–191]. Аргументированная критика со стороны научного сообщества стала важным ресурсом для общественных организаций, которые успешно интегрировали научные доводы в свои агитационные материалы [13, л. 53].

Важной вехой в развитии движения стало участие экологических организаций в избирательных кампаниях. В ходе выборов народных депутатов СССР 26 марта 1989 г. на Дальнем Востоке убедительную победу одержали два «экологических» кандидата — В.М. Десятов из Комсомольска-на-Амуре и этнограф Е.А. Гаер из Владивостока. В дальнейшем оба депутата присоединились к Межрегиональной депутатской группе, получив возможность привлечь внимание всего Союза к экологическим проблемам Дальневосточного региона [7, с. 110].

Экологические митинги в Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре и Амурске продемонстрировали возросшую социальную базу движения. В 1990 г. подобные митинги собирали до 5 тыс. участников. В дальнейшем они регулярно проводились в Комсомольске-на-Амуре вплоть до 1997 г., эпизодически (как правило, в годовщину Чернобыльской аварии — до 2011 г.) [30, л. 14]. География протеста продолжала расширяться. После объявления о выборе площадки «Амгунь-2» у озера Эворон в Солнечном районе движение распространилось на сельские территории [1, л. 310]. Особую активность проявили нанайцы, проживавшие вблизи предполагаемого места строительства [12, л. 43], выражавшие несогласие на сельских сходах, митингах, в выступлениях по радио и телевидению, коллективных письмах в центральные и местные газеты [10, л. 22]. Перспектива забора под водохранилище АЭС стока малых рек, питающих озеро, вызвала серьёзную тревогу у местного населения [36, с. 475]. Протест сельских жителей поддерживали городские активисты [1, л. 328]. Характерно, что протест сельских жителей, как и протест горожан, носил комплексный характер, и «антиядерный»

вектор был лишь одним из его элементов наряду с защитой охотничьих угодий и водоёмов, критикой партийно-советской и ведомственной бюрократии [7, с. 112–113].

Ситуация, сложившаяся в Солнечном районе, побудила проектировщиков АЭС обратиться за содействием в Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО АН СССР. Результаты работы экспедиционного отряда под руководством А.Ф. Старцева подтвердили опасения местных жителей: невосполнимый ущерб грозил местам традиционного природопользования и всему хозяйственному укладу нанайского населения [1, л. 158–159].

В начале 1990-х гг., продолжая борьбу с АЭС, движение также начало работу по экспертной оценке других экологически опасных объектов: горно-обогатительного комбината на Нижнем Амуре [29, л. 1] и промышленных предприятий Комсомольска-на-Амуре [20, л. 1]. Важным направлением деятельности стало противодействие предполагаемым планам строительства каскада ГЭС на Амуре [15]. Благодаря поднятой в прессе теме о работе советско-китайской комиссии по разработке «Схемы комплексного использования водных ресурсов пограничных участков рек Аргунь и Амур» и депутатской деятельности В.М. Десятова в Верховном Совете СССР противникам крупного гидроэнергетического строительства удалось получить разъяснения от союзных министерств и ведомств об отсутствии намерений перекрыть Амур плотинами ГЭС [21, л. 4–5].

Главным возражением против строительства каскада на Амуре был прогнозируемый катастрофический ущерб ихтиофауне. Народный депутат СССР В.М. Десятов в своем обращении к М.С. Горбачёву и Н.И. Рыжкову указывал, что плотины перекроют путь лососевым породам рыб, что приведет к уничтожению крупнейшего нерестилища. Зарегулирование реки могло разрушить природный цикл паводков, необходимый для нереста частиковых пород рыб в мелководных озерах [21, л. 10–12]. Аналогичные опасения высказывали гидрометеорологи «Дальгидромета» [21, л. 32].

Отмечалось, что существующее загрязнение Амура промышленными стоками усугубится в зарегулированной реке, что создало бы прямую угрозу здоровью жителей края, использующим воду Амура для питьевых нужд. В.М. Десятов напрямую связывал высокую заболеваемость и низкую продолжительность жизни земляков, особенно коренных народов (47 лет), с качеством воды [21, л. 10–11]. Строительство плотин и образование застойных водохранилищ неминуемо привело бы к дальнейшему ухудшению качества воды, превращению реки в «сточную канаву». Системы водоочистки не были рассчитаны на работу с подобным уровнем загрязнения, что потребовало бы колоссальных капиталовложений в строительство новых водозаборов и очистных сооружений для городов Приамурья.

Социально-экономические издержки проекта также оценивались как неприемлемо высокие. Под затопление водохранилищ на российской территории попадало 75% от общих затопляемых земель, включая уникальные для Дальнего Востока плодородные земли, населённые пункты первых поселенцев, сенокосные угодья и объекты инфраструктуры. Это вызвало бы необходимость масштабного и крайне затратного переселения людей, освоения новых земель и строительства новых совхозов, что в условиях экономического кризиса выглядело нереализуемым [21, л. 32]. «Ждёт ли Амур участь Волги?» — с таким вопросом обращался В.М. Десятов к согражданам [16, с. 5]. Отмечался ущерб сельскому хозяйству от прекращения весенних разливов, которые естественным образом удобряли и увлажняли пойменные луга. Период маловодья 1974–1980 гг., связанный с заполнением Зейского водохранилища, уже приводил к резкому падению урожайности сена и зарастанию ценных лугов кустарником. Помимо этого, существовал неприемлемый риск техногенной катастрофы в случае прорыва плотины из-за военных действий или терактов, что могло повлечь уничтожение городов Благовещенска, Комсомольска-на-Амуре и частично Хабаровска [21, л. 13].

Критике подвергался и сам процесс принятия решений, который носил ведомственный, закрытый характер без учёта мнения жителей региона и местных властей. Инициатива исходила от центральных министерств (Минэнерго СССР, Минводхоз СССР), а переговоры

с Китайской стороной велись без должного информирования и согласования с жителями Приамурья. В телеграмме от 25 апреля 1990 г. депутаты Хабаровского городского Совета прямо указывали на недопустимость принятия решения без согласия населения и органов местной власти, требуя проведения референдума и независимой экспертизы [21, л. 27]. Многочисленные коллективные телеграммы от трудовых коллективов содержали призывы «защитить Амур» и выражали протест против политизации экономики в ущерб экологической безопасности региона [21, л. 33]. Таким образом, негативные последствия от строительства ГЭС на Амуре виделись как комплексная угроза, затрагивающая экологическую, социальную, экономическую и даже геополитическую сферы жизни.

В свою очередь, разработчики «Схемы комплексного использования водных ресурсов Амура» В.С. Смирнов, В.Г. Закс в своем открытом письме утверждали, что призывы к широкому обсуждению преждевременны, так как проект находится на стадии изысканий, и обвиняли экологических активистов и журналистов в дезинформации [21, л. 24–25].

В середине 1990-х гг. экологическое движение Хабаровского края вновь обратилось к проблеме строительства атомной станции. Несмотря на тяжёлый экономический кризис и невысокую вероятность возобновления работ, технико-экономическое обоснование (ТЭО) АЭС всё же было завершено специалистами Санкт-Петербургского института «Атомэнергопроект» [23, л. 2] (прежде — Ленинградского отделения Всесоюзного государственного научно-исследовательского, проектно-конструкторского и изыскательского института «Атомэнергопроект») [8, с. 286]. В 1993–1994 г. 18 томов ТЭО поступили в дирекцию строящейся АЭС [30, л. 5]. Краевыми властями была создана «Независимая общественная экологическая комиссия», утверждённая постановлением краевой Думы. Однако её состав, куда вошли преимущественно чиновники администрации, руководители ведомств и предприятий, потенциально заинтересованных в проекте (например, представители «Хабаровскэнерго», Госатомнадзора), вызвал обоснованную критику [30, л. 15].

Противопоставлением этой комиссии стало создание в 1994 г. «Группы общественной экспертизы ТЭО строительства ДВ АЭС». В состав группы вошли 18 специалистов различного профиля под руководством В.М. Десятова — представителя международного Социально-экологического союза в Хабаровском крае. В группу вошли сотрудники Комсомольского природного заповедника (И.А. Шеверда, О.М. Головешко, В.А. Харченко), представители Ассоциации малочисленных народов Севера (А.И. Гейкер, Е.Д. Самар), геологи (Б.С. Архипов, А.Ф. Чешев), биологи (Г.Е. Росляков, О.В. Сысоева), инженеры (В.В. Кудрявцев, Д.А. Мельников, В.С. Пельх, Ю.М. Ступин), педагоги (Г.А. Упоров, Т.К. Леонтьева), методист общества охраны природы В.Н. Кудрявцева и инспектор химнадзора А.И. Крикливый [30, л. 6].

Движение не было стихийным, оно характеризовалось высокой степенью самоорганизации, стратегическим использованием правовых механизмов, формированием независимой экспертной базы и коалицией разнообразных социальных сил. В своем развернутом «Заявлении для прессы» группа В.М. Десятова подвергла декомпозиции «официальную» комиссию. Указывалось, что абсолютное большинство членов комиссии занимают административные посты и зависят от ведомственных интересов, а председатель комиссии, первый заместитель главы администрации края Ю.Ф. Матвеев, ранее сам обращался в Правительство России с предложениями о строительстве атомных станций в крае. Подчеркивалось, что из 22 человек лишь один представлял независимое общественное объединение [26, л. 1].

На местном уровне принципиальную позицию занял глава администрации нанайского села Кондон А.Е. Самар. Он не только организовал в марте 1995 г. опрос односельчан, показавший рекордные 96,2% против строительства АЭС, но и публично опроверг свое участие в коллегии районной администрации, где было выражено одобрение стройке [28, л. 12, 14]. Поддержку нанайцам оказали депутат Государственной Думы В.И. Барышев и председатель Комсомольской-на-Амуре городской ассоциации коренных народов Севера и Приамурья А.П. Киле [25, л. 3].

Митинг памяти жертв Чернобыля, состоявшийся в Комсомольске-на-Амуре в апреле 1995 г., носил уже не только экологический, но и ярко выраженный политический характер. В его резолюции содержались требования не только запрета АЭС, но и «избрания населением глав администраций территорий, которые бы, подчиняясь воле избирателей... честно отстаивали право человечества на безопасное существование» [27, л. 7]. В сентябре 1995 г. прошли собрания граждан в Центральном и Ленинском районах Комсомольска-на-Амуре, где были приняты решения о необходимости проведения краевого референдума по вопросу: «Вы «за» или «против» размещения в Хабаровском крае атомных энергоустановок всех типов и назначений?» [27, л. 5–6, 8–12].

Одной из знаковых стратегий движения стало создание альтернативной, независимой экспертизы, которая по своей глубине и аргументированности должна была перевесить аргументы официальной комиссии. Её заключение объёмом более 150 страницы было завершено и представлено общественности в 1996 г [26, л. 2].

Депутат краевой Думы и член официальной комиссии М.Ф. Вовк, представил «Особое мнение», раскрыв концептуальные пороки ТЭО: опору на устаревший прогноз энергопотребления, некорректную методику расчёта экономической эффективности, неучтенные затраты на ядерный топливный цикл и демонтаж станции, а также недооценку рисков запроектных аварий [24, л. 7–9]. В.А. Рябкова, заведующая лабораторией медицинской экологии, детально проанализировала медицинские и радиационные риски. Она указала на непригодность климатических условий (частые штилы) для размещения АЭС и отсутствие решений по проблеме утилизации радиоактивных отходов [24, л. 1–6]. Специалисты Дальневосточного отделения Научно-исследовательского института охотничьего хозяйства и звероводства А. Даренский и В. Швец подготовили справку, прогнозирувавшую полное исчезновение в течение 4–5 лет Эворон-Чукчагирской популяции лосося, деградацию популяций соболя, ондатры и норки, а также уничтожение путей миграции миллионов птиц [24, л. 11–16]. Инициативная группа «Врачи за безъядерные зоны» под руководством доцента Хабаровского медицинского института В.Е. Казеннова предупреждала о росте заболеваемости, смертности и врожденных патологий [24, л. 2].

Прочие аргументов противников АЭС также включали заниженную сметную стоимость строительства, неучтенные затраты на региональный могильник радиоактивных отходов и демонтаж станции, игнорирование прав малочисленных народов на свободное волеизъявление и традиционное природопользование, риск для здоровья сотен тысяч жителей края, отсутствие реальных планов по эвакуации в случае аварии. Эксперты независимой комиссии заявляли о нарушении 4 статей Конституции России, 18 статей Закона «Об охране окружающей природной среды», 3 статей Земельного кодекса и других нормативных актов. Более 6 тыс. листовок-отчётов были распространены среди жителей края [29, л. 1].

В дискуссиях 1980-х — 1990-х гг. важное место занимал поиск альтернатив АЭС на Эвороне и ГЭС на Амуре [34]. Активисты предлагали развитие возобновляемой энергетики (ветровые, солнечные, приливные электростанции), ускоренную газификацию региона, освоение Ургальского угольного месторождения. Продвигалась идея развития малой и бесплотинной гидроэнергетики: строительство малых ГЭС на горных притоках Амура, не являющихся нерестовыми. Положительный отклик вызвал проект приливной электростанции в Тугурском заливе, разработанный Л.Б. Бернштейном из института «Гидропроект» [22, л. 19–20]. Но при более детальном рассмотрении выяснилось — на возведение такой станции потребуется минимум 13 лет и 20 млрд рублей, что охладило первоначальный энтузиазм [12, л. 12].

Во второй половине 1990-х гг. экологическое движение в Приамурье продолжило обретать новые формы. В Комсомольске-на-Амуре на базе прежней группы независимой общественной экспертизы ТЭО строительства АЭС были образованы отделения Межрегионального союза «За химическую безопасность» и Международного социально-экологического союза (МоСЭС) под председательством В.М. Десятова [18, л. 33]. Важным направлением работы стало развитие экологического образования. В.М. Десятовым была разработана программа

«Экологическое образование населения города Комсомольска-на-Амуре» на 1998–2003 гг., утверждённая постановлением городской администрации. Семь членов прежней экологической группы вошли в состав Научно-методического совета по экологическому образованию. В 2000–2003 гг. были разработаны проекты положения «Об общественных слушаниях о возможных экологических последствиях намечаемой хозяйственной деятельности» и проект Закона Хабаровского края «Об общественных слушаниях по оценке воздействия на окружающую среду в Хабаровском крае намечаемой хозяйственной деятельности». Однако эти инициативы не получили дальнейшего продвижения в краевых органах власти [29, л. 1].

Экологическая группа Комсомольска-на-Амуре в 1990-е — 2000-е гг. участвовала в общероссийских и международных экологических акциях по защите неправительственных организаций, поддержке экологических государственных структур, защите лесов, заповедников, поддерживала независимых экологов, выступала против ввоза в Россию отработанного ядерного топлива зарубежных атомных станций. В.М. Десятов и его единомышленники продолжали публиковать статьи в газетах [14], издавать брошюры и выступать с лекциями о возможном влиянии АЭС на экосистемы Приамурья и экологической обстановке в регионе в Комсомольском-на-Амуре техническом университете, на авиационном заводе и в школах города [18, л. 34].

Последний митинг с участием В.М. Десятова против внедрения атомной энергетики в регионе состоялся в Комсомольске-на-Амуре возле Дворца культуры судостроителей в день памяти жертв Чернобыльской трагедии, 26 апреля 2011 г. С отъездом В.М. Десятова в Санкт-Петербург прежние формы и методы экологического движения, характерные для периода перестройки и 1990-х гг., окончательно ушли в прошлое. Как отмечал сам Владимир Михайлович в своих неопубликованных воспоминаниях: «У населения появились другие, не экологические, более насущные проблемы. Тема Дальневосточной АЭС уже стала уходить в прошлое» [30, л. 14–15].

ВЫВОДЫ. Экологическое движение в Хабаровском крае, сформировавшееся в конце 1980-х и активно действовавшее в 1990-е гг., стало ярким примером проявления гражданской активности в период перестройки и в первое постсоветское десятилетие. Оно успешно сочетало массовые акции и агитацию в прессе с кропотливой правовой работой, созданием профессиональной экспертизы и построением широкой коалиции, объединившей горожан, учёных, врачей и представителей коренных народов. Движение не просто блокировало экологически опасные проекты, но и формировало новые практики общественного участия, оставив значимый след в политической истории Дальнего Востока.

Анализ исторического опыта взаимодействия общества, власти и экспертов при обсуждении атомных и гидроэнергетических проектов в Хабаровском крае демонстрирует настоятельную необходимость учёта требований экологической общественности для реализации новых планов энергетического строительства в соответствии с «Генеральной схемой размещения объектов электроэнергетики до 2042 г». Негативное восприятие Дальневосточной АЭС, а также устойчивое сопротивление планам строительства каскада ГЭС на Амуре в 1990-е гг. были обусловлены не только экономическими факторами, но и системным неприятием местным населением крупных энергетических проектов, недостаточной проработкой экологических рисков и игнорированием социально-культурных последствий для коренных народов Приамурья.

Современные планы строительства Хабаровской АЭС в районе озера Эворон и возможное возобновление дискуссий о строительстве ГЭС требуют принципиально нового подхода к диалогу с общественностью, обеспечение прозрачности принимаемых решений и учёт альтернативных сценариев энергетического развития региона. В наши дни диалог с экологическим движением, имеющим в Хабаровском крае профессиональный экспертный потенциал, должен стать не формальным препятствием, а необходимым условием для разработки устойчивой энергетической стратегии, способной сочетать экономическую эффективность с экологической безопасностью и социальным благополучием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 353.
2. Атомная станция: проверка гласностью // Дальневосточный Комсомольск. 1988. № 189. 28 сентября. С. 2.
3. Ахмадулин В. Попробуем без эмоций // Тихоокеанская звезда. 1988. 17 декабря. С. 2.
4. Варнавский В. Есть альтернатива // Молодой дальневосточник. 1988. 3 декабря. С. 6.
5. Ведерников Г. АЭС назовут «Дальневосточная» // Дальневосточный Комсомольск. 1988. № 142. 22 июля. С. 1.
6. Воронов Б. Безопасность — это всегда человеческий фактор // Дальневосточный Комсомольск. 1989. № 2. 3 января. С. 3.
7. Воронцов Н.С. Общественная кампания против строительства Дальневосточной АЭС в Хабаровском крае в годы перестройки // Россия и АТР. 2024. № 4. С. 104–124
8. Воронцов Н.С. От Нижне-Амурской атомной ГРЭС до Хабаровской АЭС: история проектов развития атомной энергетики в Приамурье (вторая половина XX — начало XXI в.) // Историко-экономические исследования. 2025. Т. 26, № 2. С. 271–296.
9. Воронцов Н.С. Участие дальневосточных учёных в дискуссии о строительстве АЭС в Хабаровском крае (конец 1980-х — начало 1990-х гг.) // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2024. Т. 45. С. 181–202.
10. Государственный архив Хабаровского края. Ф. П-35. Оп. 117. Д. 317. Л. 22.
11. Государственный архив Хабаровского края. Ф. П-35. Оп. 117. Д. 460. Л. 194.
12. Государственный архив Хабаровского края. Ф. Р-1248. Оп. 1. Д. 16. Л. 43.
13. Государственный архив Хабаровского края. Ф. Р-2039. Оп. 1. Д. 36. Л. 53.
14. Десятов В. Дальневосточники, чего вы ждёте? // Вечёрка в Комсомольске. 2002. № 20. 15–21 мая. С. 6.
15. Дружинин И., Кольник Г. ГЭС или АЭС // Дальневосточный Комсомольск. 1988. № 226. 22 ноября. С. 1.
16. Ждёт ли Амур участь Волги // Энергия. 1990. № 3. С. 5–8.
17. Ищенко Е. Опасно для жизни... // Молодой дальневосточник. 1989. 25 февраля. С. 2.
18. Комсомольский-на-Амуре городской архив. Ф. Р-227. Оп. 1. Д. 1.
19. Комсомольский-на-Амуре городской архив. Ф. Р-227. Оп. 1. Д. 42.
20. Комсомольский-на-Амуре городской архив. Ф. Р-227. Оп. 1. Д. 131.
21. Комсомольский-на-Амуре городской архив. Ф. Р-227. Оп. 1. Д. 132.
22. Комсомольский-на-Амуре городской архив. Ф. Р-227. Оп. 1. Д. 133.
23. Комсомольский-на-Амуре городской архив. Ф. Р-227. Оп. 1. Д. 172.
24. Комсомольский-на-Амуре городской архив. Ф. Р-227. Оп. 1. Д. 173.
25. Комсомольский-на-Амуре городской архив. Ф. Р-227. Оп. 1. Д. 175.
26. Комсомольский-на-Амуре городской архив. Ф. Р-227. Оп. 1. Д. 176.
27. Комсомольский-на-Амуре городской архив. Ф. Р-227. Оп. 1. Д. 177.
28. Комсомольский-на-Амуре городской архив. Ф. Р-227. Оп. 1. Д. 181.
29. Комсомольский-на-Амуре городской архив. Ф. Р-227. Оп. 1. Д. 184.
30. Комсомольский-на-Амуре городской архив. Ф. Р-227. Оп. 1. Д. 243.
31. Коняхина А.П. Гражданская активность на юге Дальнего Востока России (1980–1990-е гг.) // Россия и АТР. 2013. № 4. С. 113–127.
32. Лебеденко В. Давайте сместим акценты критики // Дальневосточный Комсомольск. 1988. № 238. 11 декабря. С. 2.
33. Леонкин А.Д. Город Бонивур. Последняя великая стройка СССР Р. М.: Пятый Рим, 2018. 448 с.
34. Лисичкин Г. Что противопоставим АЭС? // Дальневосточный Комсомольск. 1989. № 37. 21 февраля. С. 1.
35. Маклюков А.В. Проекты атомной энергетики в истории Дальнего Востока СССР (1960–1991 гг.) // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2022. Т. 37. № 4. С. 107–121.

36. Мальцева О.В. Экологическая этика горинских нанайцев: рациональные и мифоритуальные аспекты (XIX — начало XXI вв.) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2008. С. 472–477.
37. Опарин М. Чем строить — лучше экономить // Дальневосточный Комсомольск. 1988. № 235. 6 декабря. С. 3.
38. Резолюция митинга, посвящённого проблемам экологии г. Комсомольска-на-Амуре // Дальневосточный Комсомольск. 1988. № 208. 26 октября. С. 4.
39. Чернобыль-на-Амуре? // Молодой дальневосточник. 1988. 10 декабря. С. 10.

REFERENCES

1. *Arkhiv Instituta istorii, arkheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN* [Archive of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences]. F. 1. Op. 2. D. 353. (In Russian).
2. *Atomnaya stanciya: proverka glasnost'yu* [Nuclear Power Plant: Tested by Glasnost] // *Dal'nevostochnyj Komsomol'sk*. 1988. № 189. 28 sentyabrya. S. 2. (In Russian).
3. Akhmadulin V. *Poprobujem bez emocij* [Let's Try Without Emotions] // *Tihookeanskaya zvezda*. 1988. 17 dekabrya. S. 2. (In Russian).
4. Varnavskij V. *Est' alternativa* [There is an alternative] // *Molodoj dal'nevostochnik*. 1988. 3 dekabrya. S. 6. (In Russian).
5. Vedernikov G. *AES nazovut «Dal'nevostochnaya»* [The NPP will be called "Far Eastern"] // *Dal'nevostochnyj Komsomol'sk*. 1988. № 142. 22 iyulya. S. 1. (In Russian).
6. Voronov B. *Bezopasnost' — eto vsegda chelovecheskij faktor* [Safety is always a human factor] // *Dal'nevostochnyj Komsomol'sk*. 1989. № 2. 3 yanvarya. S. 3. (In Russian).
7. Voroncov N.S. *Obshchestvennaya kampaniya protiv stroitel'stva Dal'nevostochnoj AES v Habarovskom krae v gody perestrojki* [Public campaign against the construction of the Far East NPP in the Khabarovsk Krai during Perestroika] // *Rossiia i ATR*. 2024. № 4. S. 104–124. (In Russian).
8. Voroncov N.S. *Ot Nizhne-Amurskoj atomnoj GRES do Habarovskoj AES: istoriya proektov razvitiya atomnoj energetiki v Priamur'e (vtoraya polovina XX — nachalo XXI v.)* [From the Lower Amur nuclear power plant to the Khabarovsk NPP: The history of nuclear energy development projects in the Amur Region (Second half of the 20th — early 21st centuries)] // *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*. 2025. T. 26, № 2. S. 271–296. (In Russian).
9. Voroncov N.S. *Uchastie dal'nevostochnyh uchenyh v diskussii o stroitel'stve AES v Habarovskom krae (konec 1980-h — nachalo 1990-h gg.)* [The participation of Far Eastern Scientists in the discussion on the construction of a nuclear power plant in the Khabarovsk Krai (late 1980s — early 1990s)] // *Trudy instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN*. 2024. T. 45. S. 181–202. (In Russian).
10. *Gosudarstvennyj arhiv Habarovskogo kraya* [The State Archive of the Khabarovsk Krai]. F. P-35. Op. 117. D. 317. L. 22. (In Russian).
11. *Gosudarstvennyj arhiv Habarovskogo kraya* [The State Archive of the Khabarovsk Krai]. F. P-35. Op. 117. D. 460. L. 194. (In Russian).
12. *Gosudarstvennyj arhiv Habarovskogo kraya* [The State Archive of the Khabarovsk Krai]. F. R-1248. Op. 1. D. 16. L. 43. (In Russian).
13. *Gosudarstvennyj arhiv Habarovskogo kraya* [The State Archive of the Khabarovsk Krai]. F. R-2039. Op. 1. D. 36. L. 53. (In Russian).
14. Desyatov V. *Dal'nevostochniki, chego vy zhdyote?* [Far Easterners, what are you waiting for?] // *Vechera v Komsomol'ske*. 2002. № 20. 15–21 maya. S. 6. (In Russian).
15. Druzhinin I., Kol'nik G. *GES ili AES* [Hydroelectric power plant or nuclear power plant] // *Dal'nevostochnyj Komsomol'sk*. 1988. № 226. 22 noyabrya. S. 1. (In Russian).
16. *Zhdyot li Amur uchast' Volgi* [Will the Amur share the Volga's fate] // *Energiya*. 1990. № 3. S. 5–8. (In Russian).

17. Ishhenko E. *Opasno dlya zhizni...* [Dangerous for life...] // Molodoj dal'nevostochnik. 1989. 25 fevralya. S. 2. (In Russian).
18. *Komsomol'skij-na-Amure gorodskoj arhiv* [Komsomolsk-on-Amur City Archive]. F. R-227. Op. 1. D. 1. (In Russian).
19. *Komsomol'skij-na-Amure gorodskoj arhiv* [Komsomolsk-on-Amur City Archive]. F. R-227. Op. 1. D. 42. (In Russian).
20. *Komsomol'skij-na-Amure gorodskoj arhiv* [Komsomolsk-on-Amur City Archive]. F. R-227. Op. 1. D. 131. (In Russian).
21. *Komsomol'skij-na-Amure gorodskoj arhiv* [Komsomolsk-on-Amur City Archive]. F. R-227. Op. 1. D. 132. (In Russian).
22. *Komsomol'skij-na-Amure gorodskoj arhiv* [Komsomolsk-on-Amur City Archive]. F. R-227. Op. 1. D. 133. (In Russian).
23. *Komsomol'skij-na-Amure gorodskoj arhiv* [Komsomolsk-on-Amur City Archive]. F. R-227. Op. 1. D. 172. (In Russian).
24. *Komsomol'skij-na-Amure gorodskoj arhiv* [Komsomolsk-on-Amur City Archive]. F. R-227. Op. 1. D. 173. (In Russian).
25. *Komsomol'skij-na-Amure gorodskoj arhiv* [Komsomolsk-on-Amur City Archive]. F. R-227. Op. 1. D. 175. (In Russian).
26. *Komsomol'skij-na-Amure gorodskoj arhiv* [Komsomolsk-on-Amur City Archive]. F. R-227. Op. 1. D. 176. (In Russian).
27. *Komsomol'skij-na-Amure gorodskoj arhiv* [Komsomolsk-on-Amur City Archive]. F. R-227. Op. 1. D. 177. (In Russian).
28. *Komsomol'skij-na-Amure gorodskoj arhiv* [Komsomolsk-on-Amur City Archive]. F. R-227. Op. 1. D. 181. (In Russian).
29. *Komsomol'skij-na-Amure gorodskoj arhiv* [Komsomolsk-on-Amur City Archive]. F. R-227. Op. 1. D. 184. (In Russian).
30. *Komsomol'skij-na-Amure gorodskoj arhiv* [Komsomolsk-on-Amur City Archive]. F. R-227. Op. 1. D. 243. (In Russian).
31. Konyahina A.P. *Grazhdanskaya aktivnost' na yuge Dal'nego Vostoka Rossii (1980–1990-e gg.)* [Civic activism in the South of the Russian Far East (1980s–1990s)] // Rossiya i ATR. 2013. № 4. S. 113–127. (In Russian).
32. Lebedenko V. *Davajte smestim akcenty kritiki* [Let's shift the focus of criticism] // Dal'nevostochnyj Komsomol'sk. 1988. № 238. 11 dekabrya. S. 2. (In Russian).
33. Leonkin A.D. *Gorod Bonivur. Poslednyaya velikaya strojka SSSR* [The City of Bonivur. The last great construction project of the USSR]. M.: Pyatyj Rim, 2018. 448 s. (In Russian).
34. Lisichkin G. *Chto protivopostavim AES?* [What will we oppose to the NPP?] // Dal'nevostochnyj Komsomol'sk. 1989. № 37. 21 fevralya. S. 1. (In Russian).
35. Maklyukov A.V. *Proekty atomnoj energetiki v istorii Dal'nego Vostoka SSSR (1960–1991 gg.)* [Nuclear energy projects in the history of the Soviet Far East (1960–1991)] // Trudy Instituta istorii, arkhologii i etnografii DVO RAN. 2022. T. 37. № 4. S. 107–121. (In Russian).
36. Mal'ceva O.V. *Ekologicheskaya etika gorinskih nanaicev: racional'nye i miforitual'nye aspekty (XIX — nachalo XXI vv.)* [Environmental ethics of the Gorin Nanai People: Rational and mytho-ritual aspects (19th — early 21st centuries)] // Etnografiya Altaya i sopol'del'nyh territorij. Barnaul: Izd-vo BGPU, 2008. S. 472–477. (In Russian).
37. Oparin M. *Chem stroit' — luchshe ekonomit'* [Instead of building, it's better to save] // Dal'nevostochnyj Komsomol'sk. 1988. № 235. 6 dekabrya. S. 3. (In Russian).
38. *Rezolyuciya mitinga, posvyashchyonnogo problemam ekologii g. Komsomol'ska-na-Amure* [Resolution of the rally dedicated to the environmental problems of Komsomolsk-on-Amur] // Dal'nevostochnyj Komsomol'sk. 1988. № 208. 26 oktyabrya. S. 4. (In Russian).
39. *Chernobyl'-na-Amure?* [Chernobyl-on-Amur?] // Molodoj dal'nevostochnik. 1988. 10 dekabrya. S. 10. (In Russian).